

A movie poster for the film 'Ravnye'. The central image is a close-up of a woman's face, her eyes obscured by a dark, textured blindfold. She has long, dark, wavy hair and is wearing red lipstick. The background is dark and moody. The title 'АННЕ ДАР' is at the top, and 'РАВНЫЕ' is at the bottom in large, stylized white letters.

АННЕ ДАР

РАВНЫЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

«МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ТУРНИР» «МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ГЕН»
«СТАЛЬ»

«НЕУЯЗВИМАЯ» «ОТСТУПНИЦА» «ДИКАЯ» «АБСОЛЮТНЫЙ»

Anne Dar
Равные
Серия «Дикий Металл», книга 10

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69408928

SelfPub; 2023

Аннотация

Три мира сольются во имя рождения одной, новой вселенной, за границами которой будут жить старые и создаваться новые таинства. И в слиянии этом будет жажда, и будет красота, будут битвы, и будут спокойствия, будет начало и не будет завершения. Равные – это одна душа, единая плоть и неделимое существо. Эпопея о металлических, неуязвимых, диких, стальных и несломленных.

Содержание

Часть 1	5
Главкомандующий	6
Глава 1	7
Джекки	7
Главы 2-3	22
Часть 2	44
Металлическая Дева	45
Глава 4	46
Теа	46
Глава 5	51
Глава 6	57
Глава 7	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Anne Dar Равные

Посвящается N.

Часть 1

Главнокомандующий

Глава 1

Джекки

Я стою на стене Рудника и обвожу взглядом пределы лагеря Блуждающих, разбитого с противоположной стороны силового поля. В предрассветное время он выглядит спокойным, как никогда. Импровизированные шатры и палатки из тёмных материй едва уловимо вздрагивают от налётов спокойного ветра, дрожат неровными огнями и сильно чадят смоляные факелы, бесконечно чёрное небо нависает над беспокойно дремлющими душами, надеющимися выиграть в лотерею удачи последний шанс на спасение. Вакцину успеют получить не все из них. Даже один процент от их общего количества её не получит. Они это знают. И всё равно не уходят. Потому что надежда никогда не стояла первой в списке чувств, способных умереть в человеческой душе в первую очередь.

Я медленно отвожу взгляд от лагеря обречённых и бросаю его на многие километры вперёд: одно из лучших качеств, приобретенных мной в форме Металла – это, пожалуй, острое зрение. Я могу рассмотреть крохотную птицу на краю горизонта и увидеть кажущуюся невидимой в крошечной темноте муху. Но гостей я всё ещё не вижу. Они должны

прийти на этой неделе, и хотя эта неделя началась всего пять часов назад, я уже стораю от желания этой встречи. Мы видимся один раз в полгода, редко случаются года, когда встречи происходят чаще... Я успеваю соскучиться, даже несмотря на то, что время для Металлов течёт иначе, чем для людей. Десятилетие нам кажется годом, год – месяцем, месяц – днём, день – часом. По ощущениям, я не видела Тринидад всего лишь неделю, по факту больше полугода, а по степени моего напряжения – словно целое десятилетие минуло с того момента, как мы в последний раз похлопали друг друга по плечам. Может наплевать на это всё? Дать Конану идею собраться и переехать к Титанам? Тристан с Тринидад ведь давно зазывают нас. Соблазняют красотами заброшенной природы территории бывшей Чехии и приятным соседством: и как только я до сих пор не поддаюсь такому заманчивому предложению? Сколько времени прошло с того дня, как я перешагнула порог Рудника? Ведение календаря и часов здесь является ответственной задачей, “хранитель времени” и “летописец” – одни из самых уважаемых людей в Руднике. И тем не менее, зная точные даты и точное текущее время, я порой начинаю путаться: Кей пришел в сознание в прошлом году или в прошлом десятилетии? Дочь Беорегарда и Теоны пропала без вести в прошлом десятилетии или в позапрошлом? Я зашла в этот город десять-двадцать-тридцать лет назад?..

Идёт пятьдесят второй год с Падения Старого Мира. Это

значит, что я пришла в Рудник вместе с группой беженцев из Парадизара тридцать пять лет назад. С тех пор внешне я не состарилась ни на день. Как не состарился и Конан. А остальные... Остальных время не пощадило. Абракадабры и Сладкого больше нет. Абракадабра ушла давно: в возрасте сорока пяти лет погибла в стычке с Блуждающими в горах. Сладкого не стало в прошлом году: спокойно ушёл на пятьдесят пятом году жизни. У него осталась совершеннолетняя дочь, рождённая от Нэцкэ, с которой он разошелся за пять лет до своего ухода. Нэцкэ стала отшельницей, ушла жить в самый дальний угол Рудника, даже не помню, когда в последний раз видела её. Меньше чем через год после прихода в Рудник Вывод устроил официальную свадьбу с девушкой, которую спас из рабства Парадизара. Достаточно скоро они родили троих детей, недавно дождались рождения первого внука. Вывод уже третье десятилетие работает оружейником, а его жена всё ещё значится воспитателем в детском саду. Хорошая семья получилась. Мы не общаемся. Хотя бывает, что случайно пересекаемся в Руднике. Это оказалось сложно: мне с Конаном видеть своих ровесников разменявшими пятый десяток пожилыми людьми, стоящими на пороге неизбежной старости, а им видеть нас двадцатилетними, навсегда застрявшими на восходе молодости.

Я никогда не забуду ночь нашего прихода в Рудник. Город был осажден многотысячной толпой Блуждающих. Местные Металлы едва смогли протащить нас внутрь поселения. Ес-

ли бы не пошедшие впереди нас Тристан с Тринидад, скорее всего все неметаллы, бывшие с нами в связке, в итоге остались бы за стенами Рудника, что привело бы к их неминуемой гибели. Титаны своевременно предупредили трёх местных Металлов о нашем подходе, благодаря чему нас вовремя встретили и провели по подземным ходам, тянущимся от гор до главного подземелья Рудника. Так мы стали частью одного из последних оплотов человеческой цивилизации, вскоре ставшего настоящей надеждой для Павшего Мира. Вакцину от Стали вывели именно здесь. Но это случилось позже, а тогда... Тогда над Рудником нависала серьёзная опасность падения. Отлично обустроенных продовольственных запасов Рудника хватило бы на несколько лет тотальной блокады, может быть даже на десятилетие, но что потом?.. Чистые люди – неметаллы и не Блуждающие – начали бы медленно, но верно вымирать.

Осада началась с поломки звуковых рупоров, которые прежде распространяли вокруг Рудника ультразвук, отпугивающим образом влияющий на чувствительные к звуковым атакам барабанные перепонки Блуждающих. Как только защита ультразвуком была утеряна, Блуждающие заполнили долину подле Рудника. Словно осы, летящие на мёд, они стремились туда, где располагалось скопление выживших людей. В Руднике сочли, что Блуждающих могут притягивать звуки человеческой жизнедеятельности, исходящие из-за стены, из-за чего внутри города был объявлен жесткий

комендантский час. То время вошло в историю как “дни тишины” – всего сто двадцать восемь дней. И хотя эти дни назывались днями тишины, на самом деле они считались ночами криков: вопли Блуждающих, звучащие за стенами города, лишили местных жителей сна ровно на сто двадцать восемь ночей. А потом, на исходе сто двадцать восьмой ночи, случилось техническое чудо: Руднику удалось восстановить процесс рассеивания ультразвука в пределах своей стены и целой долины. Блуждающие с душераздирающими воплями начали покидать прилегающую к Руднику территорию. Вскоре у стен города стало тихо. Но не пусто. Ушли не все Блуждающие. Бóльшая часть, но далеко не все. Так Чистые люди впервые за шестнадцать лет существования Стали выявили в Блуждающих две категории: “трезвые” и “потерянные”. До тех пор мы считали, будто все Блуждающие именно “потерянные” – окончательно и бесповоротно пораженные вирусом. Однако выяснилось, что среди Блуждающих есть те, кого Сталь не пробрала до самого основания. Блуждающие, сохранившие рассудок, разум, способность контролировать себя и в редких случаях способность к речи, теперь стали обозначаться как “трезвые”. С течением времени трезвые Блуждающие скатываются до состояния потерянных Блуждающих, из потерянных же в трезвые ещё не вернулся никто. Чем “потерянее” Блуждающий, тем дальше он отходит от стен Рудника, излучающих ультразвуковые волны; чем “трезвее” Блуждающий, тем ближе к стенам спаситель-

ного ковчега он может позволить себе находиться. За тридцать пять лет существования лагеря Блуждающих у стен Рудника, он полностью обновился не один десяток раз – сотни тысяч трезвых Блуждающих скатились до состояния потерянных и ушли блуждать в Дикие просторы, лишь несколько тысяч обрели спасение.

Вакцина от Стали была выведена гениальным учёным-медиком Майклом Полярисом, ставшим единственным, кто смог успешно вшить в сердца нескольких людей капсулы, позволившие некоторым из них обратиться в Металлы без использования прямой инъекции в сердце, которую Рудник так и не смог поставить на производство. Этот человек смог успешно вшить капсулы в десять сердец, однако лишь трое из них по итогу смогли обратиться в Металл: Тринидад смогла обратиться в Титан, Спиро смог стать Иридием, Клэр обратилась в Молибден. Остальные кандидаты в Металлы подавали большие надежды – отличались отменным здоровьем и в целом имели позитивные показатели по всем важным для обращения параметрам, – но все погибли при вскрытии капсул. Вскоре после последней провалившейся попытки умер и сам Полярис, от старости. Его технологию по вшиванию “металлических” капсул в людские сердца молодое поколение медиков Рудника так и не успело перенять, отчего выведение новых Металлов окончательно остановилось. У нас не осталось ни прямых вакцин, ни технологии по вшиванию капсул. Только горстка Металлов с критически низкой ре-

продуктивной способностью. За три с половиной десятилетия Металлы в своих союзах смогли родить всего двух детей – двух девочек. Наблюдение за этими детьми должно было многое рассказать нам о будущем Металлов. Самым главным вопросом был вопрос о том, способны ли мы воспроизводить подобное себе потомство: родим ли мы обычных людей, какими являлись сами до обращения в Металлы, или родим полноценных Металлов?

Благодаря наблюдениям за родившейся второй по счёту девочкой, мы поняли, что у Металлов есть будущее. Ребенок рождается обычным человеком, но с капсулой в сердце, подобной той, которую искусственным образом вшивал в человеческие сердца Полярис. Металлический Ген ребёнка Металлов составляет выше девяноста процентов, благодаря чему вскрытие капсулы проходит успешно. После вскрытия капсулы носитель Металлического Гена с лёгкостью обращается в Металл. Получается, Металлы могут продолжать свой род, пусть и не без “летального” перерождения из человека в Металл.

Первым металлическим ребёнком стала дочь Беорегарда и Теоны. Девочку называли Теа. Её потеряли... Вернее, её выкрали из Рудника в первый год её жизни. Я застала Беорегарда с Теоной счастливыми родителями, поэтому случившееся особенно остро отразилось и на мне – я долгие ночи мучилась от того, что никак не смогла предотвратить эту трагедию. Беорегард с Теоной с первых часов нашего прихода

в Рудник стали для меня с Конаном не просто друзьями, но новой частью нашей странной семьи – Тринидад буквально спаяла нас всех, прежде чем сама отделилась от нас, что стало для меня очередной ощутимой травмой. Но прежде была пропажа Теи.

Это случилось спустя две недели после нашего прихода в Рудник. Тайный ход через подземный тоннель, ведущий в горы, которым Рудник пользовался для пополнения своих запасов, дал сбой. Мы так и не выяснили, что именно произошло: была ли это диверсия, роковая ошибка или случайность. Через тоннель в Рудник просочилась группа трезвых Блуждающих, в городе поднялась паника, все Металлы бросились на подавление хаоса. Теа была оставлена с няней – женщиной, когда-то присматривающей ещё за маленькими Тринидад и Клэр. Когда спустя три часа Беорегард с Теоной вернулись домой, они нашли няню лежащей на заднем дворе со сломанной шеей. Теа исчезла вместе с колыбелью. Помимо нее в ту ночь пропало ещё семеро людей, включая Кея, всё ещё пребывающего в криосне. Позже двое со сломанными шеями нашлись в подземелье Рудника. Нашелся и Кей. Без капсулы. Он должен был проснуться только через пять лет – его выдернули из криосна преждевременно и безжалостно бросили умирать на сырой земле. То, что его удалось спасти, ничто иное, как чудо. Кей смог выкарабкаться, хотя физически очень серьезно пострадал: целый год он прожил в реабилитационном крыле медицинского пункта, и хотя в

итоге смог вновь научиться самостоятельно дышать, реагировать на внешний мир и разговаривать, и к нему полностью вернулось функционирование верхней части тела, его ноги парализовало. В то время Полярис всё ещё был жив, мы могли бы попытаться вшить в сердце Кея капсулу, чтобы после исцелить его паралич обращением в Металл, но по причине сильно испорченного здоровья парня, мы не смогли провести опасную операцию. Однако Кей не сдался. За пять лет упорной работы над своим телом он смог перебраться с инвалидной коляски на костыли, и хотя в итоге он так и не смог стать скороходом, всё же по своему дому он стал передвигаться именно при помощи костылей – на коляске он колесит исключительно по городу. Кей засел в библиотеке, благодаря чему смог стать не только школьным учителем, но и заслуженным учёным Рудника. В возрасте двадцати пяти лет он женился на своей ровеснице, дочери директора библиотеки, но детей, о которых он всегда мечтал с особым трепетом, у него так и не родилось. Сейчас моему младшему брату идёт пятьдесят третий год, он выглядит гораздо старше меня, ровно на свой возраст, и я понимаю, что, если сильно повезёт, нам остаётся побыть вместе ещё от силы пару десятилетий. А потом он уйдёт. Как уже ушли и ещё уйдут все остальные мои знакомые. Все, кроме Металлов.

Я перестала заводить крепкие связи с людьми – с теми, кто состарится на моих глазах, если только им повезёт успеть состариться перед тем, как они неминуемо и навсегда уйдут,

оставив меня здесь. Сразу после того, что случилось с дочерью Беорегарда и Теи, я отринула и идею рано или поздно познать родительство. Но с тех пор прошло более трех десятилетий, я увидела дочь Вольфрама и Меди Металлом, и почувствовала, что могу получить это – своего человека, который будет со мной всегда, бесконечно долго, а быть может и дольше... Мы с Конаном вновь заговорили о возможности стать родителями. Как будто наши разговоры способны повлиять на открытие для нас того, что было закрытым для нас всё это время. Три с половиной десятилетия мы не предохранялись и ни разу не ощутили даже намёка на то, что мы *действительно* можем родить... Нам повезло. Мы не помешаны на идее родительства. Подозреваю, нам обоим всё ещё не очень-то и хочется или “как будто хочется”, но “не по-настоящему”. Спиро с Клэр сложнее – они трахаются как кролики в надежде однажды стать многодетной парой Металлов, но у них, как и у остальных Металлов, ничего не выходит. Рутений с Родиём (Беорегард с Теоной) и Вольфрам с Медью (Добромир с Купавой) всё ещё остаются единственными родителями Металлического мира, причём стали они ими практически одновременно, и произошло это более трех десятилетий назад. Я иногда думаю, что, может быть, в те два года что-то происходило с климатом, что повлияло на зачатие детей, случившееся практически одно за другим? Может быть, Металлы всё же бесплодны? А может быть я просто всё ещё не постигла глубину мысли о том, что

у нас *и вправду* очень много времени, что, возможно, Металлы смогут родить и спустя столетие, и в таком случае наш с Конаном ребёнок может прийти в этот мир через сто, две, триста лет... Когда мы “по-настоящему” помешаемся на этой идее, а значит будем готовы. Как готовы Спиро с Клэр сейчас...

И всё же даже у Металлов есть страхи. Ребёнок придёт в мир обычным человеком. Для обращения в Металл ему необходимо будет пережить летальный исход человеческой жизни. А перед этим целую человеческую жизнь, два десятилетия, наполненные опасностями, способными оборвать хрупкую “обыкновенную” жизнь ещё до того, как она успеет стать металлической. Как это выдержать?! Как Теона с Беорегардом выдерживают то, что произошло с их ребёнком?!

Тею так и не нашли. Следы похитителей оборвались сразу после выхода из подземелья Рудника. В ту ночь разбушевалась непогода – штормовой ливень не утихал следующие трое суток. Возможно, все следы смыло... Мы обыскали всю округу и даже дальние границы, и за их пределами. Теа, пятеро жителей Рудника и капсула Кея словно испарились в пространстве. Ещё три часа назад все они были в наших руках – и вот их нет. Как будто и не было... Нас не спасли никакие стены, ни даже металлическое величие. Беорегард с Теоной едва не загнулись от боли. Им начало легчать только после следующей зимы. Добромир облегчил их боль... Жаль, что искоренить подобное невозможно – только облегчить.

Как зубная боль, не оканчивающаяся уже четвертое десятилетие.

Дочери Беорегарда и Теоны уже должно быть тридцать пять лет. Если её не убили. Она может жить и не знать, что является носителем Металлического Гена, что она в любой момент может стать могущественным Металлом. Она уже превратилась во взрослую женщину. В Диких просторах жизнь людей тяжела. Она может выглядеть намного старше своего возраста – все женщины и мужчины сейчас стареют преждевременно. И много рожают... Она может быть матерью, у Беорегарда и Теоны могут быть внуки... Или всё же младенца убили и Теи уже давно нет в этом мире. Боль, размером с галактику, и справляются с ней Беорегард с Теоной только благодаря тому, что вдвоём они больше галактики: вместе они – Вселенная.

Дети. Их нет ни у меня, ни у Кея. Я слышала, что Лив тоже не стала продолжательницей нашего живучего рода. Она пришла к власти в Парадизаре сразу после гибели Осы Сэвиджа. Правила долгие годы и много наворотила. О многом я предпочла бы никогда не узнать. Но в самом конце своего правления она сотворила невероятное – пожертвовав собой, она спасла в сотни раз больше людей, чем успела погубить за всю свою непростую жизнь. Она всё же сумела стать героиней, какой всегда мечтала быть. Какой всегда стремилась видеть её я. Пусть её путь и был тернистым, и ухабистым, в итоге она смогла финишировать достойно. Надеюсь, этот

факт искупит её прегрешения перед теми, кому она намеренно навредила. Я её простила. И Кей простил. Надеюсь, она тоже успела простить нас. Надеюсь, её простили или ещё успеют простить все остальные.

Мой взгляд перебегает по тёмным холмам, заросшим густым лесом, и, не находя движений искомых фигур, остаётся на поверхности силового поля. Эта технология, сквозь кровь и пот выкраденная Титаном у Парадизара для Рудника, не раз за эти три с половиной десятилетия спасла местных жителей от гибели. Дилениум стал силён в авиации. Когда они в первый раз пытались бомбить нас, мы не удивились – мы знали, что рано или поздно это произойдёт. Силовое поле устояло после серии из сотни сброшенных на наши головы бомб. Продвинутое технологии Павшего Мира не подвели. Дилениум не взял Рудник и наконец распрощался со своей мечтой установить контроль над Металлами. Но устоит ли сам Дилениум?

Металлы никогда не искали войны. Мы пацифисты. Политика отказа от всяческих войн, кажется, внедрилась в наши сознания вместе с металлизмом, вкрапившемся в нашу кровь. Мы огорчаемся, когда нам приходится жестоко защищаться от внешних нападков. Наше непрестанное стремление к сохранению и преобразению мира – наша несокрушимая мощь. Поэтому мы смогли вывести вакцину от Стали и поэтому мы со временем сможем усовершенствовать её. У Дилениума было больше шансов на гораздо больший успех:

у них была большая территория, у них были ресурсы, у них было время... Однако у них не было стремления к развитию. Вместо того, чтобы созидать, изобретать, спасать, они возжелали захватить, отобрать, разрушить... Поэтому они проигрывают. Целый континент проиграет одному маленькому городу! Окруженные Блуждающими на континенте, пораженном Сталью, мы не только спасёмся – мы спасём! Они же, имея в руках всё, останутся ни с чем. Потому как жажда смерти притягивает смерть. Они жаждали убивать и убивали, и потому будут убиты. Они осознанно идут по пути гибели и потому приближаются к тому, к чему стремятся их мысли. Наши мысли и наши действия спасали, и продолжат спасать. Каждый выбрал свой путь. У каждого пути будет конец. И каждый конец будет отличим от другого – ни один не будет идентичен противоположному. Выбор пути – шаг – шаг – шаг – финиш.

Согласно разведке, возглавляемой Иридием и Молибденом, Блуждающие, трезвые и потерянные, впервые за полвека не только нацелились, но начали Великий Поход на Дилениум – очередной виток в истории находящегося на последнем издыхании человечества. Между Дилениумом и Евразией образовался новый перешеек – они пройдут по нему. Если Дилениум не выстоит, в Евразию хлынет новая волна новообращённых Блуждающих, что будет подобно цунами из сгустка необъятного хаоса. Исцеление от Стали на этом континенте вновь отложится на столетие, а может и на более

длительный срок. И не спасёт их души их оружие. А ведь могли, ведь с самого начала и до конца имели возможность найти своё спасение в спасении ближних. Но теперь... Видимо лагерь блуждающих душ под стенами Рудника скоро сильно разрастётся, несмотря на то, что все эти годы мы, не покладая рук, трудились над его спасительным уменьшением. Многие из Дилениума в итоге придут к нам. Но мы не торгуем спасением. Мы его раздаём. Его мало. Оно достаётся случайным и далеко не всем. А теперь рискует достаться ещё меньшему проценту нуждающихся... Зачем они воевали? За что они воевали? И теперь нам спасти их тела. Но души... Души их никто кроме их самих не спасёт. Раскаяние накроет их. Но скольким душам будет подарено время на него?

Главы 2-3

До рассвета ещё есть пара часов и мне есть куда идти. Не домой, конечно. Конана дома днём с огнём не сыщешь, не то что ночью. Мы оба неусидчивые: носимся по Руднику, решаем миллионы задач в сутки, открываем новые вопросы, чтобы находить новые ответы, неизбежно притягиваемся друг к другу. Мы можем обходиться без сна три месяца к ряду, после проспать сутки и далее спокойно бодрствовать очередные три месяца. Я предпочитаю “перезаряжаться” чаще, чтобы в случае, если мне внезапно понадобится максимум своей энергии, в ответственный момент не нуждаться в экстренной дозаправке. Поэтому я сплю от четырёх до десяти раз в месяц, а порой и чаще – в зависимости от того, сколько раз в месяц мы с Конаном пересекаемся в стремлении раздеть друг друга. У других Металлов по разному обстоят дела со сном и с другими способами дозарядки: еда, вода, выпивка... У Беорегарда с Теоной, вроде как, “всё схвачено” и получается предельно гармонично. В большей гармонии получилось соединиться только Титанам. Спиро с Клэр самые молодые, так что у них всё бурно: и выпивка, и секс, и ревность, и даже их разведывательная деятельность за пределами Рудника – всё через “бум!”. А вот у Лантана – Кармелиты – всё намного сложнее, чем у нас всех вместе взятых. Из-за отсутствия пары, то есть из-за очевидного одиночества и отсутствия воз-

возможности снять напряжение через секс или хотя бы общение с родственной душой, она выпивает. Это не алкоголизм. Металлам сложно напиться. Особенно тем слабоградусным пивом, которое разливают в “Стальном кулаке”. И всё же Лантан разгоняет свою кровь горячей жидкостью гораздо чаще, чем все остальные Металлы. Разум трезвый, речь не путается, походка тверда, только кровь вскипает – это вскипание и разряжает, снимает напряжение, но лишь временно. Может быть, Кармелита и не пила бы вовсе, если бы обратилась в Металл “чистым листом”. Но никто из нас не был чистым листом, когда обращался в Металл. А Кармелита на момент своего обращения была не только не чистым, но и изрядно помятым листом, что сильно усложнило ситуацию.

За шестнадцать лет до моего попадания в Рудник здесь случилась знаменитая “Ночь клыков и Металлов”. Это был год Падения Старого Мира, люди только начинали свой путь спасения в Руднике. Город тогда не был забит под завязку: он мог вместить в себя тридцать тысяч душ, но пока ещё успел принять только двадцать тысяч. В первые дни Стали все пребывали в панике, Металлов ещё не существовало, то есть ярко выраженных, превосходящих всех прочих лидеров не было – Беорегард с Теоной и Кармелита обратились в Металлов немногим позже. В первые же дни всё было скомкано. Потoki беженцев, приходящих к стенам Рудника, хотя и проверялись тщательно, всё же однажды были проверены недостаточно хорошо. Добравшаяся до Рудника Кармелита смог-

ла провести внутри города своего укушенного Блуждающим мужа. Его звали Рэймонд Тейт, он был старшим и единственным братом Теоны, в то время как Кармелита является старшей и единственной сестрой Беорегарда – так самая горячая пара Металлов Рудника и познакомилась, и в итоге соединилась в неделимое целое. В общем и целом: Кармелите не следовало проводить внутри “чистого” города укушенного. Сначала она заперла своего пораженного Сталью мужа в подвале дома, в своё время построенного для неё Беорегардом, затем попыталась вколоть в его сердце одну из прямых металлических инъекций, которые тогда ещё имелись в Руднике, но всё закончилось тем, что она потеряла контроль, в результате чего Блуждающий Рэймонд Тейт вырвался на свободу.

В те дни вирус Стали срабатывал быстрее, чем работает теперь. Рэймонд покусал людей, те снежным комом начали распространять Сталь по Руднику... Ситуацию в последний момент спас Тристан, сын Кармелиты от её первой влюблённости, к тому моменту успешно прошедший основную стадию обращения в Титан. Отойдя от яда Блуждающего – его укусили задолго до “коллапса” с Рэймондом – он, естественно, как Металл не пострадал, а увидев в Руднике хаос, расправился с ним по-своему. Не признав в безумном Блуждающем своего отчима, он вырвал у того сердце, укушенным Кармелите и Беорегарду вколол в сердца прямые инъекции металла, а заодно ещё одну инъекцию впорол и в сердце случайно проходившей мимо Теоне, после чего пе-

реложил внутри города с пять тысяч укушенных. Красавчик умудрился не прикончить ни единого чистого человека и не пропустить ни одного зараженного. Пять тысяч зараженных! Их могло быть двадцать тысяч... Но Титан успел спасти пятнадцать тысяч человек: уничтожил пять тысяч пораженных, являющихся близкими и даже родными людьми тем, кого необходимо было спасти ценой столь тяжелой жертвы... Пострадали все: старики, мужчины, женщины и даже дети – целые семьи...

Как я уже обозначила ранее: Металлы – пацифисты. Мы огорчаемся, когда нам приходится жестоко защищаться от внешних нападков. Порой даже огорчаемся сильнее, чем следовало бы... У Титана после той ночи возник ступор. Я не знаю подробностей, но судя из рассказов других Металлов, это было страшно... Во-первых, он был самым первым Металлом, которому никто не мог объяснить, что именно с ним происходит; во-вторых, он был новообращённым, то есть со сбитыми внутренними настройками = неотлаженным самоконтролем; в-третьих, он из семнадцатилетнего парня резко обратился во взрослого, крупногабаритного мужчину; в-четвёртых, он тогда был по уши влюблён в Теону и внезапно узнал, что она предпочла ему его родного дядю; в-пятых и в-шестых, ему пришлось убить отчима, по совместительству бывшего его лучшим другом; в-седьмых и в-восьмых, ему пришлось проткнуть сердца матери и дяди, чтобы спасти их от Стали; в-девятых, он пронзил металлической

вакциной сердце случайно проходящей мимо Теоны исключительно из-за чувства ревности, которое его, как новообращённого Металла, тогда разрывало напополам...

Ту роковую ночь называли “Ночь клыков и Металлов” – в честь всех укушенных и появления в Руднике первых Металлов.

Тристан смог выкарабкаться из своей агонии, хотя его путь и был долг: служение на благо спасшихся остатков человечества сначала внутри Рудника, затем вне – первой стала шпионская деятельность на Камчатке, позже в Парадизаре, – после чего, спустя долгие, беспокойные годы, ему досталось персональное спасение в лице Тринидад. После череды мучительных лет его накрыло такое счастье – но не успокоение – какое, как мне порой кажется, даже влюблённым Металлам невозможно понять на все сто процентов. Потому что мы просто поглощены своей любовью, своей страстью, а эти двое Титанов... Они как будто и есть сама страсть и сама любовь. Это сложно объяснить. Это, должно быть, возможно понять только являясь неразлучниками...

Кармелите крупно не повезло. Она стала Металлом в момент потери своего любимого человека. Что, естественно, взорвало внутри неё усиленную металлизмом эмоциональную бомбу. По её вине погибли люди в Руднике и чуть не пал весь город целиком – ещё один эмоциональный взрыв. И ещё несколько: её старший сын был вынужден убить Рэймонда, её саму, Беорегарда, ещё пять тысяч укушенных обита-

телей Рудника, а заодно “прикончил” и безвинную Теону... Таким образом в то время в Руднике оказалось целых два Металла в опасном состоянии аффекта. Беорегарду с Теоной тогда пришлось непросто. Новообращенные Металлы пытались помочь впадшим в шок другим новообращенным Металлам, буквально заклеить лейкопластырем сквозные шрамы на их перерожденных душах и нервных системах... Однако, как мы видим сейчас, Рудник всё ещё стоит, а значит в те страшные годы Титан и Лантан не слетели с катушек настолько, чтобы это стало непоправимым для местных остатков человечества. Значит, Рутений с Родиём справились. Эти двое всегда справляются. И когда я говорю “всегда”, я имею в виду “вообще всегда”. Даже с фактом пропажи их дочери они справляются – каждый прожитый ими день... В паре они непобедимы. Как все Металлы, имеющие свою пару. Но каково быть Металлом-одиночкой, потерявшим любимого непосредственно перед своим обращением в Металл, снедаемому чувством вины перед не одним поколением, пострадавшим в Ночь клыков и Металлов?.. Никто в Руднике, кроме Металлов, не знает о причастности Кармелиты к событиям той ночи. И всё же всеобщее неведение людей ей как будто бы не помогает. С той страшной ночи прошло целое десятилетие, прежде чем Лантан начала предпринимать попытки найти успокоение в объятиях мужчин, но каждая её новая попытка неизбежно заканчивалась крахом. Может быть, душа Металла и душа обычного человека и мо-

гут быть родственными, но в постели Металлу нужен именно Металл. Особенно если Металлом является женщина. Трое из пяти бывших у Лантана мужчин покинули её спальню с переломами различной степени тяжести. С двумя последними она пробыла на несколько недель дольше, но по её отзывам это было похоже на пытки – она не получала удовольствия от физической близости.

Одиночество в сумме с чувством вины – гремучая смесь внутри Металла, обречённого на долгую жизнь. В роли Лантана Кармелита ходит уже пятьдесят второй год, по человеческим меркам ей сейчас должно быть без малого восемьдесят шесть лет. Пока что мы ещё не знаем, *насколько* бесконечной может быть наша жизнь, но с высоты уже прожитых лет мне уже кажется, будто Лантан держится неплохо. Пусть ей и помогает держаться алкоголь. Вопрос скорее в том, сколько ещё она сможет продержаться в таком режиме? Месяц?.. Год?.. Десятилетие?.. Неизвестно. Как и неизвестно, что произойдёт, когда у неё всё же сорвёт резьбу, долгие годы закручиваемую ею до предела. Нам всем ещё многое неизвестно о нашей металлической природе. Мы все первопроходцы. И у всех нас на душах есть травмы различной степени тяжести. Вот только у всех нас, за исключением Лантана, есть пары, и потому нам проще, чем ей. Нам кажется, будто жизнь только начинается, хотя по человеческим меркам наши жизни уже должны подходить к логическому концу: так быстро и незаметно – вжик, и нет этой жизни. И мы

радуемся тому, что завтра мы всё ещё будем жить молодыми и здоровыми, и влюблёнными... Чему радуется Лантан? Тому, что у её резко повзрослевших детей всё хорошо? Неплохое утешение. Но лишь относительная доля полноценного счастья.

Я понимаю, насколько мне повезло: мне есть куда идти этим вечером. И практически любым вечером. В бар “Стальной кулак”. В Руднике, конечно, есть ещё пара питейных заведений, но это место самое просторное и красивое, и оттого самое популярное: гирлянды из тёплых лампочек над головой, барные стулья на утрамбованной миллионами шагов до состояния камня голой земле. Металлы в основном предпочитают бывать именно здесь. Самый частый гость “Стального кулака” из Металлов – Лантан. Так что идя сюда сегодня я даже не сомневалась в том, что встречу здесь, за привычной барной стойкой, уже улыбающуюся Лантан со слегка порозовевшими щеками. Она всегда такая “по-металлически-непьянеющая”. Весёлая грусть. И грустная весёлость. И ничем ей не поможешь. Разве что придумаешь, как обратить красавчика-бармена в какого-нибудь Бериллия. Хотя на самом деле бармен “Стального кулака” не такой уж и красавчик, да ещё и постоянно подвыпивший, и, кажется, уже без пяти минут помолвленный.

Хотя ночь была глубокой, то тут то там на улочках встречались люди, в большинстве случаев шагающие в парах: кто-то заступал на ночную смену, кто-то уходил с ночной, а

те, кто помоложе, юноши и девушки лет шестнадцати, наслаждались последними тёплыми ночами в этом году. До “Стального кулака” мне оставалось меньше ста метров, когда из-за его штор вынырнули Беорегард с Теоной. Они не заметили моего приближения по двум причинам: во-первых, они направлялись в противоположную от меня сторону – предположительно в сторону своего дома, – а во-вторых, они всецело были заняты собой – эти двое, как всегда, пожирали друг друга улыбающимся и одновременно полными страсти взглядами, и Беорегард привычно прижимал к себе Теону, удерживая её за талию. При виде пары Диес я непроизвольно ухмыльнулась. Рутений и Родий поистине невероятны. Идеальнее их пары только знаменитая пара Титанов. Зато мне с Конаном уверенно отходит чистая бронза – благодаря пристрастию Спиро с Клэр к эмоциональным сценам безосновательной ревности, которые в их паре устраиваются исключительно ради подливания масла в пламя страсти, а никак не потому, что кто-то из них действительно может переживать из-за того, что на кого-то из них могут заглядываться обычные люди. Мы все помешаны на своих партнёрах. И в этом наше счастье. Вот бы и Лантан смогла однажды заполучить свой сорт помешательства...

С такими мыслями я переступила порог “Стального кулака”.

Только раздвинув входные шторы бара, я сразу же увидела её: Лантан предсказуемо сидела за барной стойкой с двумя стоящими напротив нее, наполовину опустевшими бокалами пива. Подозреваю, бармен только за счет нашей общей подруги сколотил себе целое состояние: поговаривают, будто перед свадьбой он планирует выкупить квадратные метры у своего единственного соседа по однокомнатной квартире. Ещё один виток ещё одной жизни от рождения до ухода... Родился – созрел – женился – родил – взрастил – ушёл...

Лантан обратила на меня внимание только после того, как я подошла к ней впритык.

– Джекки! – она растянулась в весёлой улыбке, на её щеках сразу же вспыхнул узнаваемый румянец. – Ты разминулась с Беорегардом и Теоной.

– Да, я видела их выходящими из бара... – придвинув барный стул поближе, я присела на него. – Они не заметили меня.

– Иногда мне кажется, будто случаются моменты, когда эти двое вообще никого, за исключением друг друга, не видят.

– И вправду бывает такое, – криво ухмыльнулась я, вспомнив, как днём столкнулась с Диесами на стене. Если бы я их не сбила, держу пари, они бы так и не заметили меня.

Кармелита продолжала:

– Между ними в последнее время такой мощный накал,

что он реально стал осязаем и, клянусь, улавливается за сотню метров. Опасаюсь, что если они не сбавят градус, в итоге допрыгаются и заделают мне ещё одну племянницу или племянника.

Я попыталась понять, что именно моя собеседница имеет в виду, говоря о “мощном накале в *последнее время*” между этими двумя, но так и не поняла. Может, под “последним временем” она имеет в виду “всегда”? Потому что слово “всегда” в контексте страсти этой пары подходит идеально. За тридцать пять лет я ещё ни разу не видела Рутения с Родиём в компании друг друга “на другом градусе”.

– Тристан с Тринидад должны скоро объявиться, – собеседница бросила на меня короткий испытывающий взгляд. – Соскучилась?

– Да, – не было никакого смысла скрывать очевидное.

– Каково это – быть главнокомандующим Металлом? Подтирать сопли добровольцев...

– Лучше, чем протирать задницей стулья всех трёх местных баров.

– Эй, мне можно.

– Ты ведь знаешь, я не из тех, кто оправдывает.

– Не вслух. Мысленно-то ты меня оправдываешь. У тебя очень красноречивые взгляды и большие глаза, знаешь ли. Так что мне можно, понятно? Ты сама так считаешь. Проехали.

– Проехали, – согласно хмыкнула я и уже хотела подозвать

бармена, застрявшего у дальних столов, но Кармелита не дала мне шанса отвлечься от нашего диалога.

– В сочетании уточняющего вопроса о том, скучаешь ли ты по Титанам, и вопроса о том, нравится ли тебе быть главнокомандующим Металлом, я пыталась добиться уточнения.

– О чём речь?

– Почему вы с Конаном не уходите? Ведь я уже не первый год вижу, как ты сверлишь взглядом удаляющиеся в Дикие просторы спины Титанов. Ты ведь хотела бы принять их предложение о соседстве с ними, в их глухих чешских лесах...

– Признаюсь, с каждым годом желание возрастает всё больше.

– В таком случае, чего тянешь?

– Конану здесь, вроде как, нравится.

– Может быть немногим больше, чем тебе. Но ведь понятно, что дело не в Конане. Может быть, дело в Беорегарде с Теоной? Вокруг Титанов сформировалась отличная компания, а у Беорегарда с Теоной из толковых только ты да Конан.

– Эй. У них есть ты, Спиро и Клэр.

– Я специалист по барам, а не по поддержанию исправного функционирования механизмов Рудника, с чем отлично справляетесь только ты с Конаном и Беорегард с Теоной. А Спиро с Клэр... Что с них взять? По человеческим меркам Спиро уже должно быть шестьдесят четыре, Клэр пятьдесят пять, но в роли Металлов эти двое как дети малые, особенно

в компании друг друга.

– Зато они – эффектная пара разведчиков.

– Это уж точно. Секси блондиночка с длинными ногами и развевающимися по ветру локонами плюс полухмурый-полувесёлый мачо... Не верю я в то, что Спиро ревнует её по-настоящему, как и в то, что она может всерьёз ревновать его. Прекрасно ведь понимают, что им никто кроме их уже не подойдёт. И всё равно продолжают баловаться с этим театром ревности. Уже четвёртый десяток пошел с момента их перерождения в Металлы, начали бы уже успокаиваться, м?

– У них просто один темперамент на двоих, – в ответ на столь веселое замечание ухмыльнулась я. – Им нужно это баловство. С ним они чувствуют себя... Живее, – подытожив таким заключением, я закусила губу. В последнее время, может быть из-за частого лицезрения уходов наших ровесников в иной мир, я слишком часто стала задумываться на тему того, *по-настоящему* ли мы, Металлы, живы? Бред...

– Кстати о жизни, – Лантан приподняла один из своих наполовину полных бокалов. – Давно не заглядывала в медицинское крыло к Поле. Как там вакцина Поляриса?

– Да всё так же, – мои брови неосознанно поползли к переносице.

Вакцина Поляриса – величайшее открытие после металлической вакцины, выведенная именно на основе второй.

Полярис прожил долгую и великую жизнь. До Стали, в пятидесятилетнем возрасте, он изобрел лекарство от старче-

ской деменции, а чуть позже и лекарство от глухоты. В первые дни Стали он сумел на кукурузнике добраться до Рудника, в котором тогда уже работала медиком его средняя дочь Пола. Позже она ассистировала ему на операциях по помещению изобретенных им металлических капсул в сердца людей. И хотя после вскрытия капсул смогли выжить, а значит обратиться в Металлы, слишком мало человек, все его операции завершились успешно. И хотя он так и не смог обучить никого из своих учеников искусству вшивания металлической капсулы в человеческие сердца, что значит, что мы потеряли эту технологию вместе с уходом Поляриса, он смог оставить после себя ещё одно великое, вполне возможно, что самое важное в его научной карьере изобретение – он смог вывести вакцину от Стали. Одна прямая вакцина (их в руках Рудника, вроде как, на момент начала Стали было всего с десяток) была им израсходована на процесс изобретения капсул для вшития и будто бы открыла ему что-то для изобретения вакцины... Неизвестно, что и как было на самом деле. Понятно только, что незадолго до своей смерти – он ушел в возрасте ста одного года! – этот гениальный учёный-медик подарил миру вакцину от Стали, работающую на основе крови Металлов. Раз в сутки мы сдаём свою кровь Поле Полярис, внучке гениального Майкла Поляриса и племянницы его знаменитой дочери-ассистентки Полы Полярис (имя Пола в их роду встречается часто – ещё две Полы Полярис сейчас заканчивают добровольческую академию). На ос-

нове нашей крови впоследствии производится вакцина. Вот только есть пара “производственных нюансов”. Во-первых, для составления одной вакцины один Металл должен слить из своей вены не менее тысячи миллилитров крови. Во-вторых, даже если в одни сутки Металл сдаст большее количество крови, вакцина всё равно будет произведена только одна. Дело в каких-то антителах, живущих в нашей крови. Якобы для их обновления в наших венах им необходимы сутки. Иными словами: за сутки больше одной вакцины с Металла не возьмёшь, даже если выкачаешь из него всю кровь. А теперь банальный подсчёт: в Руднике семь Металлов, что равняется семи вакцинам в сутки. Двести десять вакцин в месяц. Две тысячи пятьсот пятьдесят пять вакцин в год. Но по факту в год у Рудника получается вывести немногим больше вакцин, потому как пару раз в год мы видимся с Титанами, которые помимо своей крови передают нам благотворительную кровь своих друзей-Металлов. Итого: около трех тысяч спасенных душ в год. Неплохо. Но всё ещё крайне мало. Что такое неполные три тысячи на фоне миллионов нуждающихся? Капля даже не в море – в океане. Последнее десятилетие Пола Полярис работает над выведением вакцины нового поколения, но пока что её труды остаются без желаемого результата.

Немного странно, что Металлы так заинтересованы спасением обычных людей. Тех самых, которые, по сути, сами спровоцировали своё уничтожение. Может быть дело в том,

что мы все сами не так давно являлись обычными людьми. А может быть дело совсем в другом. В том, что наша вера в человеческую доброту, в стремление человека к миру и со-зиданию, ещё не убита. Мы верующие до конца. Но что такое “конец” в данном случае? Я не знаю. Может быть потому, что моё сознание расширилось до бесконечности, не ограничен-ной ни единой рамкой.

– Всего семь вакцин в день, – Лантан закурила. Ещё од-на вредная привычка, переставшая носить для наших орга-низмов понятие вредности. – А Блуждающих в лагере во-круг Рудника как будто становится только больше. И все они надеются на чудотворное исцеление... Слухи – если они когда-нибудь и истребятся, тогда только с предпослед-ним человеком или человекоподобным существом, обитаю-щим на этой планете. – Под человекоподобными существа-ми она имеет в виду Блуждающих и Металлов. – Проход в горы через подземелье утратил понятие своей безопасности ещё в год кражи моей племянницы. Сейчас он и вовсе поте-рял остатки всякого доверия: слишком много Блуждающих в округе, слишком много глаз, способных увидеть отряды доб-ровольцев, рыскающих снаружи в шатких попытках попол-нения запасов города. Тем временем людей внутри Рудника становится всё больше: каждый год плюс три тысячи – это только исцелённые, без учёта новорождённых. Силовое по-ле Титана, – так в Руднике называли технологию, раздобытую Титаном у Парадизара, – хотя и расширило наши границы,

чем значительно увеличило доступную нам территорию, всё же оно не резиновое. Так что я не волнуюсь из-за того, что вакцин слишком мало. Напротив... Мы уже стоим на пороге обретения проблемы с пропитанием многотысячного населения. О проблеме размещения людей с этой стороны силового поля я уже даже не заговариваю. Сколько лет прошло с тех пор, как на земле между стеной Рудника и границей силового поля Титана возник палаточный лагерь исцеленных? Пять лет? Пять лет исцеленные живут по эту сторону силового поля, смотря на ту сторону, из которой им повезло вырваться. Они ведь ещё дети... Их наверняка мучают кошмары о том, что они всё ещё находятся по ту сторону баррикад, а просыпаясь они видят себя у границы силового поля и какое-то время не понимают, с какой стороны находятся.

– Меньше думай о том, что ты ещё не сделала, и больше о том, что ты уже успела сделать. Благодаря тебе между стеной Рудника и силовым полем Титана размещено пятнадцать тысяч детей. Благодаря твоим усилиям у Рудника сейчас есть плодородные поля и пастбища, и продуманные подходы к ним – всё защищено силовыми куполами. Нам больше не страшен Дилениум...

– Это заслуга Тристана.

– А благодаря кому мы в итоге успели включить силовое поле над Рудником всего лишь за час до нападения Дилениума? И если копнуть глубже, кто родил Тристана?

– Ну это ты уже слишком глубоко копнула, – ухмыльнув-

шись, Лантан опрокинула в себя остатки пива. – Так, ладно, мне нужна добавка... Пойду встряхну бармена. Тебе взять пинту?

– Давай уже, раз уж я пришла сюда.

Кармелита не успела уйти, а я уже с головой погрузилась в мысли о ближайшем будущем Рудника. Ощущения были странными. Силовое поле, которое во времена Конкура и Парадизара являлось моим едва ли ни самым главным врагом, по итогу стало мне едва ли ни лучшим другом, стоило только ему попасть в правильные руки. Благодаря силовому полю Титана Рудник смог позволить себе не просто расширяться территориально, но и вместить в себя беспрецедентное число душ: сто пятьдесят тысяч человек! В Парадизаре было всего полсотни. У нас полторы. Больше только в Дилениуме, но Дилениум – чистый континент, а мы всего лишь город на пораженном Сталью континенте. Кармелита права: силовое поле не резиновое. Мы сможем разместить внутри Рудника без ущерба для его состояния ещё от силы пару тысяч человек. А дальше произойдёт страшное: у нас будет вакцина, но не будет места для принятия исцеленных. У нас максимум год, чтобы найти выход из этого положения. Я уже обсуждала этот терзающий нас всех вопрос с Беорегардом. Пока что вслух обсуждался только один вариант: выпускать исцеленных через подземный ход в горы. Всё равно что исцелять людей для того, чтобы позже они снова заразились. Пахнет безнадегой. Но у нас в запасе ещё целый год. Может

быть, мы ещё успеем что-нибудь придумать. Может быть, за это время произойдёт что-то неожиданное из разряда того, что поможет нам выйти победителями из этой борьбы.

Моё периферическое зрение выхватило знакомую фигуру, только что вошедшую в бар. Ещё до того, как повернуть голову, я улыбнулась. Мой Конан. Тридцать пять лет бок о бок, а по ощущениям будто всего лишь тридцать пять дней миновало. По человеческим меркам, мне идёт уже шестьдесят девятый, а Конану семьдесят второй год. Может быть из-за того, что сейчас мы могли бы нянчить своих внуков, мы всё чаще начинаем вслух мечтать о рождении общего ребёнка, предпочтительно сына. А может быть это происходит только потому, что все окружающие нас Металлы, за исключением Титанов, помешаны на экстремальной в текущих условиях идее родительства. И всё же я всё ещё не подвержена чрезмерной тяге подержать на своих руках собственного карапуза. Слабее меня эта тяга только у Кармелиты и Тринидад. У первой это желание отсутствует по причине того, что в своей человеческой жизни она успела обзавестись двумя собственными сыновьями и двумя приемными дочерьми. У второй просто напрочь отбиты нормальные человеческие инстинкты. Не помню, чтобы Тринидад когда-либо желала стать чьей-то женой, не то что чьей-то матерью. Более того, последний пункт, насколько я понимаю, её не просто не интересует, но даже отталкивает.

Словно на расстоянии прочтя мои мысли, подойдя ко мне

вприкрык и обняв меня за талию, Конан зашептал мне на ухо:

– Ну что, попробуем перед самым рассветом слепить ребёнка? Обещаю сегодня постараться на славу.

В какой-то момент мысль о “лепке” ребёнка из наших клеток стала для нас чем-то вроде зова – отличный способ завести друг друга. В последнее время я всё больше убеждаюсь в том, что конкретно меня с Конаном все эти разговоры о родительстве только заводят, а не воодушевляют, как это происходит у остальных. Наверное, в действительности мы всё же пока что не очень-то жаждем заделать себе орущий комочек жизни с моими большими глазами и улыбкой единственного адекватного Данна.

– Последние тридцать пять лет мы трахались в пустую, что изменится сегодня? – я наигранно оттолкнула Конана, и сразу же уловила разгорающиеся искры в его вкрадчивом взгляде охотника. Он любит “по жёсткому”. Подозреваю, что все Металлы предпочитают “по жёсткому”. Как бы сильно мы ни старались нежничать, каждый наш секс неизбежно скатывается до состояния безудержного извержения двух вулканов.

– Сегодня я не позволю быть тебе сверху, – он с силой сжал запястье моей левой руки, лежащей на барной стойке.

– Воу! Не позволишь? Хочешь сказать мне, будто я нуждаюсь в твоём разрешении?

– К наступлению следующей ночи ты будешь нуждаться в моей пощаде.

– Всего лишь к следующей ночи? Мы можем и дольше.

– Предлагаешь выбраться за стены Рудника, чтобы вызвать сход снегов в горах?

Не сдержавшись, я усмехнулась. Пару лет назад Спиро с Клэр реально вызвали в горах сход снежной лавины. Повезло, что для своих утех они удалились в соседнюю долину. Исходя из официальной версии рассказа, Клэр с полчаса откапывала Спиро из-под завалов снега...

– Главнокомандующий Металл Тантал! – позади Кона на раздался знакомый голос одного из стражников стены, этой ночью заменяющего прихворавшего привратника. Конан обернулся, и я увидела знакомое обветренное лицо тридцатилетнего добровольца, которое сейчас выражало необычайное беспокойство, хотя прежде я за этим человеком не замечала склонности к столь яркой демонстрации эмоций.

– Докладывай, доброволец, – взмахнула рукой я. – Ты ведь сейчас должен находиться на главных воротах. Что случилось?

В Руднике никогда ничего суперкритичного не случалось. Одна только Ночь кликов и Металлов, да попытка бомбардировки со стороны Дилениума, а остальное всё – “мелкокалиберные загвоздки”.

– Там к главным воротам пришли Металлы, – доброволец раскраснелся и тяжело дышал – явно бежал, чтобы сообщить мне новость. – Рутений с Родием уже оповещены...

– Наконец-то! – хлопнула ладонью по барной стойке я и сразу же вскочила со стула. – Мы уже жаждались...

– Нет-нет, это не Тристан с Тринидад... – докладывающий начал задыхаться. – Это не Титаны.

– Иридий с Молибденом? – сдвинул брови Конан.

– Странно, – в ответ нахмурилась я. Спиро и Клэр ушли в разведку только на рассвете и не должны были вернуться раньше, чем через трое суток...

– Нет, речь не о них! – глаза добровольца, казалось, стремились выпрыгнуть из своих покрасневшихся орбит.

– Ты ведь сказал, что к главным воротам подошли Металлы, – ещё сильнее начала хмуриться я. – Пятеро Металлов сейчас в Руднике – за стеной только двое из нас. Чего ты мне голову морочишь?

– Там... Там неизвестные нам Металлы! Не наши! Не из Рудника!

Часть 2

Металлическая Дева

Глава 4

Tea

Мне хорошо... Моё сознание отплывает куда-то далеко, словно несется по бурной реке на знакомом плоту, чтобы вскоре достичь экстремально крутого водопада... Со мной это уже случалось?..

Меня зовут Теа Диес. Мне девятнадцать лет. Я жила в Дилениуме, в Кантоне-А, но родилась я на Большой Земле, на территории бывшей Швейцарии, в одном из последних, а может быть и в самом последнем спасшемся от эпидемии Стали человеческом городе – в Руднике. Играющие роль моих родителей люди, возможно, были моими похитителями. Они украли меня в глубоком детстве. Я дочь великих Металлов: Рутения Беорегарда Диеса и Родия Теоны Тейт. Как я могу помнить подобное? Я и не помнила... Но я вспоминаю.

Необычный вкус материнского молока и тёплый аромат отцовских рук... Они называли меня Теа... Мой отец очень сильно любил мою мать, поэтому моё имя – сокращённая форма её имени... В моей колыбели было начертано её

имя... Однажды рядом со мной был красивый женский голос, не принадлежащий моей матери... Молодая и красивая девушка... Она пела мне колыбельную: “Не вымолвит слово немое дитя, не выпустит стрел голая тетива”... Она не умела держать меня на руках, но я ей нравилась... Я чувствовала это... Мне нравились её густые тёмные волны шелковых волос... Её любили мои родители... И любил какой-то мужчина... Он умело держал меня на руках, но я всё равно расплакалась, потому что была голодна...

Мне не было года, когда меня вынесли из родительского дома вместе с колыбелью. Меня несли из света в темноту. И скоро переложили в очень холодный ящик. Я замёрзла. И заснула. И долго не просыпалась. А когда проснулась, чужая женщина, непохожая ни на кого из всех, кого я до сих пор знала, назвалась моей матерью и назвала меня своей дочерью. Я была слишком мала... Я забыла правду. А когда забыла, когда стала считать чужих людей своими родителями, эти люди умерли. В один день я осталась никому не нужной сиротой. А потом появился Эльфрик – брат человека, который назывался моим отцом. Наша соседка рассказала ему, будто бы я живучая. Она говорила, будто я смогла обойтись без воды и еды дольше, чем на то способен даже взрослый человек, она намекала на то, что я могу быть как-то связана с некой Сотней, когда-то пришедшей в Кантоны... Она хотела защитить меня и потому призвала Эльфрика. Эльфрик пришел и сказал, что раз я выжила, значит такова моя судьба, и в

дальнейшем он присмотрит за мной... Он вырастил из меня хорошую охотницу... Научил хорошо драться... Спасал от голода... От волков... От одного медведя... От бесчисленного количества ликторов... От обжигающего холода... Научил не только попадать точно в цель, но и разделявать эту цель “под орех”... Не он сделал меня сильной. Сила во мне была от моих настоящих родителей. Но он спас меня. Однако даже он не смог оградить меня от Металлического Турнира.

Металлический Турнир! Как я могла забыть о нём?! Теперь помню! Помню всё беспощадно ярко, красочно, до мельчайшей подробности. Всё одновременно...

Рудник. Не тот Рудник, в котором я родилась. Но название такое же. Странно. Этот Рудник – подземные лабиринты Кар-Хара, столицы Дилениума. Нас привезли в него: пятикровок и тэйсинтаев. Из моего Кантона были только пятикровки: Фокас, Софос, Зефир и Нериус. И ещё я – первая в истории Дилениума девушка-пятикровка...

Вспышка: первая встреча с Металлами! Церемония Отсеивания! Взгляд Платины!

Вспышка: я вонзаю нож в сердце Свинца, за что он убивает одного из парней Кантона-А, бывшего со мной в связке!

Вспышка: я на парашюте лечу над Ристалищем!

...Я начинаю ощущать, как моё бессознательное тело произвольно выгибается...

Вспышка: подо мной стадо бизонов!

Вспышка: я пристрелила в Ристалище забытого, который

хотел пристрелить меня с Шарлоттой!

Вспышка: Шарлотту смертельно порезали, после чего её добил Золото!

...Мои ладони сжимаются в кулаки...

Вспышка: не могу вспомнить, напивалась ли я когда-нибудь – напивалась! Пещера, Платина, настойка!..

Вспышка: платиновая и золотая монеты без опознавательной чеканки в моих сапогах.

...Мой затылок вдавливается во что-то мягкое и сырое...

Вспышка: давка и поезд, в который – неужели?! – затащил меня на своих руках Платина!

Вспышка: капсула поднималась вверх всё быстрее и быстрее, заставляя моё тело буквально вжиматься в пол. Звон в ушах становился невыносимым, и я определенно точно начинала терять сознание. Последнее, что я видела сквозь желтое стекло – сжатые кулаки Платины... Затем был ослепляющий свет, блеск бритой головы и знакомый голос Скарлетт... Её лицо нависло надо мной и вскоре расплылось туманной дымкой... Кто-то говорил, что со мной всё будет хорошо, но из-за звона в ушах я даже не могла разобраться в том, кому именно принадлежит голос – мужчине или женщине?.. Белая пустота. Полёт. Тишина... ТОГДА СО МНОЙ ГОВОРИЛ ПЛАТИНА!!!

ВСПЫШКА: “Всё равно ты забудешь этот разговор, а если когда-то и начнёшь вспоминать всё произошедшее с тобой

после Церемонии Отсеивания, это будет последним, что ты вспомнишь: правда о том, что благородства не существует, что Платина тебе не защитник, а Золото на самом деле тебе не друг... Хочешь узнать, зачем ты понадобилась Платине и Золоту настолько, что они прогнутся передо мной ради того, чтобы заполучить тебя? Настолько, что из-за желания обладать твоей жизнью они готовы разругаться друг с другом. Настолько, что готовы таскаться с тобой по всему Руднику, по всему Ристалищу, лишь бы ты не отбросила душу прежде, чем они смогут добраться до тебя? Это мой тебе подарок. Слушай же, в чём заключается твоя ценность. Слушай внимательно. Попытайся запомнить это, Теона – *меня зовут Tea!!!* – Потому что это слишком страшно, чтобы это можно было забывать... Потому что это пропасть всех страхов... И всё равно у тебя не получится запечатлеть это в памяти, всё равно ты упустишь нить... Ну что, готова узнать всё и забыть всё навсегда? Слушай же, никчёмная пятикровка, во что оценили твою жизнь могущественные Металлы!”

Резкий рывок вперёд!

Вспышка: я сорвалась с водопада!!!

Я ОЧНУЛАСЬ!!!

Глава 5

Я произвела настолько глубокий вдох, что моя спина выгнулась в неестественной дуге. Мои глаза широко распахнулись, зрачки расширились до своего максимального предела и в сию же секунду сузились до максимально допустимого минимума. В одно мгновение я увидела не звёзды, а бесконечность космоса, в котором они висели волшебным образом, без вспомогательных поддержек – в статической невесомости. Слева от меня горел неестественно яркий костёр – может быть это было начало пожара?! – справа от меня торчало из земли высокое засохшее дерево, а прямо над моей головой мерцал очень низкий млечный путь, словно жаждущий впиться в моё лицо своими острыми лучами. Всё пульсировало! Всё! Костёр! Звёзды! Дерево! Кровь! Вены! Воздух! Все внутренности! Вся ночь! Я одновременно увидела и почувствовала слишком многое, отчего мой мозг за долю миллисекунды едва не слетел с катушек и не расколол мой череп...

Я слышала хруст горящих в костре веток одновременно с биением беспокойного сердца в моей груди и пением прозрачных звёзд в высоте!.. Аромат жаренного мяса сплетался с миллионном других, совсем неизвестных мне запахов!.. Я слишком много видела, слышала, чувствовала – ВСЁ СРАЗУ!!!

Прошло всего пять секунд с момента открытия моих глаз, но я уже как будто начала загибаться... Такого потока информации мой мозг ещё никогда не обрабатывал за столь короткий промежуток времени! Я в буквальном смысле ощутила, как этот орган начинает “барахлить” внутри моей головы...

Не осознав как, я вдруг оказалась перевернутой на живот – теперь я вдавливала свои неожиданно твёрдые предплечья в неожиданно мягкую подстилку из сухого мха. Из моего носа внезапно хлынул неудержимый поток горячей крови, который сразу же перебил миллион ароматов, улавливаемых моим носом. Неожиданно мне как будто стало легче от этого – от того, что я чувствую запах только своей крови и ничего больше... Только моя кровь пахла не так, как должна была пахнуть... Не кровью. Чем-то металлическим. Я неосознанно схватилась за нос и непроизвольно размазала по лицу хлещущую жидкость... Это была не кровь! Это была именно жидкость! Серебристого цвета, смешивающаяся с частичками крови, свертывающейся в серебристые кристаллы...

На моё плечо внезапно упала чья-то тяжелая рука. В испуге я резко дернулась в сторону и в результате ударилась спиной о засохший ствол дерева – и услышала его хруст! Прикосновение каким-то образом дало мне почувствовать не просто человеческое тепло – я почувствовала всего человека целиком! Это был Платина! Я поняла это ещё до того, как увидела его!..

– Ты как? – он смотрел на меня широко распахнутым, сильно обеспокоенным взглядом.

– Ты убил меня?! Ты убил меня?!

Кажется, к моему сознанию подкатывала паника. Мой голос был не моим!

– Теа...

– Ты убил меня?!

– Да нет же! Ты жива!

– Я жива!.. Я жива!.. Я жива!.. – Я как будто сломалась. – Я сломалась?! Я... Я сломалась?!

– Очнулась, – словно не веря в этот факт, внутрь себя произнёс Золото, и я наконец увидела его стоящим позади Платины.

Я неосознанно протянула руку вперед, тем самым как бы прося Платину помочь мне подняться. Взяв мою ладонь, он аккуратно потянул меня на себя, а я в свою очередь потянула его в свою сторону. Неожиданно резко Платина вдруг дернулся в мою сторону и, врезавшись свободной ладонью в ствол дерева у меня над головой, завис всего в паре сантиметров от меня. Лишь спустя секунду я поняла, что заставила Платину податься в мою сторону! В моём понимании – я подобного чисто физически не способна была сделать!

Резко отпустив его руку, я ошарашенным взглядом впилась в свою ладонь и вдруг почувствовала, как она наливается неестественной, нечеловеческой силой.

Внезапно меня затошнило. Я нереалистично резко вско-

чила на ноги, чтобы отблеваться в стороне, но не смогла сделать и двух шагов, как упала на четвереньки.

Меня не просто выворачивало – меня в буквальном смысле рвало: будто разрывало на части! Этот ужас продолжался минуту, в течение которой я слышала, видела, чувствовала слишком много, чтобы успевать обрабатывать или переваривать проникающую в меня извне, против моей воли, информацию. Платина почти не дышал, Золото дышал слишком громко, остальные... Остальных я не улавливала!

– Где остальные?! – мой голос страшно захрипел.

– Они ушли.

В голосе Золота расслышались неожиданные ноты скрытой паники. Паника... Паника... Куда они ушли?!.. Почему рядом со мной только Золото с Платиной?!.. Где остальные?!.. Куда они делась?!.. Куда их дели?!..

Я не села – меня будто отбросило назад. Снова врезалась спиной в засохшее дерево – но как?! Как я могла за секунду переместиться к нему задом наперед?! Ладони бесконтрольно стиснули виски... Пальцы полезли в корни волос... Я не хочу туда возвращаться! Не-е-ет! Нет-нет-нет-нет-нет!!!..

– Теа, что ты чувствуешь? – Платина положил горячую руку на моё ледяное колено, покрытое тонкой материей сильно потёртых штанов.

– Я не хочу возвращаться! Не хочу возвращаться! – в моём голосе неожиданно послышалась совсем не присущая мне слезливость.

важно входят в мягкую почву, как они разрывают её и заставляют её лететь из-под меня клочьями... А потом я внезапно сосредоточилась на этом ощущении – ощущении придавленности...

Платина нереалистично быстро перевернул меня на спину, при этом не прекращая вдавливать мои плечи в мох, а моё лицо в свою грудь, и где-то над моей головой сказал слушать его голос... Но больше он ничего не говорил... Он тянул монотонное гласное “mmm” мне на ухо...

Паническая атака закончилась моим слезливым скулением... Вся рубашка Платины затвердела из-за той жидкости, что вытекала из моего носа вместе с кровью, а быть может даже и из моих глаз вместе со слезами... Я не знаю...

Я так громко никогда в жизни не плакала... Как же громко! Так же, как колотилось сердце Платины у моего отчётливо пульсирующего виска.

Глава 6

Со мной было что-то не так. Очень сильно что-то не так. Так сказал Золото. Так молчал Платина.

Вскоре я увидела что-то. Свою кожу. Она была не кожей вовсе... При холодном свете полной луны и жарком свете высокого костра она переливалась серебристой коркой... Как будто на мои руки нанесли металлическое напыление... Руки то становились блестящими, словно сияли миллионом мелких алмазов, то обращались в нечто “литое” – как будто один сплошной сплав металла вместо рук. Так повторялось раз за разом: сияющее состояние переходило в литое и обратно. И это происходило не только с моими руками... Это происходило со всем моим телом: от кончиков ногтей до кончиков волос! Во время этих переходов меня встряхивало так сильно, будто меня изнутри колотило электрическим напряжением. Засохшее дерево подо мной дрожало и трещало от моих неестественно резких вздрагиваний... Однако металлическая жидкость перестала течь из моего носа. И истерика продолжала сходить на нет... Теперь мне было просто очень сильно страшно. Очень сильно, но терпимо. То есть до повторной паники мне всё ещё оставалось несколько шагов, но пока что у меня, каким-то образом, получалось удерживать своё сознание на стороне трезвости...

– Ты заметил это?! – Золото продолжал пугать меня своим

обеспокоенным тоном. — Когда она зажмуривается или прикрывает уши ладонями, её *переходное состояние* проходит.

— Да, я заметил, — Платина был напряжен. Но у него получалось лучше сохранять привычное ему хладнокровие, чем у его друга.

Я продолжала дрожать всем телом... Хотя дрожью это было сложно назвать. Это больше походило на колочение или даже конвульсии... Я сжала кулаки и начала громко дышать... Кажется, мне снова становилось хуже.

Платина внезапно и с безумно громким для меня треском оторвал лоскут от низа своей рубашки. Сначала я не поняла, зачем он это делает...

— Теа, смотри на меня...

— Она вся серебряная, — Золото запустил пальцы обеих рук в свои золотые волосы.

— Теа, сосредоточься. Зажмурься... — Я не среагировала. — Слышишь меня? Ну же. — Платина коснулся моего плеча. — Закрой глаза.

Как только я поняла, чего именно в эту секунду он от меня хочет, я с силой зажмурилась. В следующее мгновение я почувствовала, как на мои глаза опускается материя... Зачем это?! Я вздрогнула, но не отстранилась... Как вдруг. Почувствовав туго завязанный на уровне своего виска узел, я ощутила... Неожиданное... Облегчение.

— Не слишком туго? — голос Платины начал звучать по-другому. Как будто более чётко. Хорошо.

– Не слишком... – мой голос был странным. – Что это? Что со мной?

– Ты обращаешься в Металл, – подал беспокойный голос Золото.

– Ты всё-таки убил меня! – прежде чем я успела понять, что мой кулак взмывает вверх, он уже со страшной силой врезался в ногу Платины.

– С ней что-то не так...

– Эмоции, Золото. Это просто эмоции. С ними у всех новообращенных проблемы.

– Да я не про эмоции! Что с ней?! Что это было?! Теперь с её телом снова всё в порядке, но что с ним только что происходило?!

– Впервые вижу подобное, – голос Платины звучал обеспокоенно и одновременно крайне задумчиво. – Теа, закрой уши.

– Что?.. Зачем?..

– Просто заткни уши. И расскажи, что почувствуешь.

Я резко заткнула уши, хотя боялась того, что он просит меня об этом для того, чтобы что-то утаить от меня в разговоре с Золотом, но вдруг... Мне резко, словно по щелчку, полегчало. Стоило мне только прекратить слышать миллионы звуков.

– Мне легче! – в моём голосе продолжали проступать неестественные, металлические ноты. Я резко оторвала руки от ушей. – Мне легче с закрытыми ушами!

– У всех Металлов гиперчувствительность, – заметил Золото.

– По непонятной мне причине, у неё, очевидно, ситуация хуже.

– Что? – я так громко сглотнула, что чуть не оглохла. – Скажи, Платина, что...

Как же громко я говорю! Ведь пытаюсь тихо, чуть ли не шепчу, а перепонки всё равно разрываются...

– Для начала необходимо лишить тебя хотя бы одной из способностей восприятия мира. Это спасёт тебя от рассредоточения. С завязанными глазами лучше?

– Да! Да, лучше!

– Может ей ещё и уши мхом заткнуть? – в голосе Золота послышалась враждебность. – До Большой Земли нам ещё многие мили.

Платина молниеносно поднялся: мои волосы даже всколыхнулись от резкого движения рядом...

– Хотя бы ты успокойся, – Платина зазвучал не менее враждебным тоном. – У нас на хвосте ликторы, так что сейчас мне нянчиться с новообращённой ещё куда ни шло, но с опытным Металлом мотать свои нервы я не собираюсь.

– Если бы ты не воткнул ей клинок в сердце, нам бы в принципе не пришлось сейчас мотать нервы!

– Я не воткнул в её сердце клинок – я обратил её в Металл. Это не убийство – это спасение. И ты это прекрасно понимаешь. Так что вместо того, чтобы разыгрывать траги-

комедию, можешь сказать спасибо за то, что из жалости к тебе я не обратил её в Платину.

– Из жалости ко мне?! – Золото был на грани! – Я бы тебя так не пожалел!

– Я в курсе. Если бы ты добрался до неё первым, она бы уже была Золотом.

– Я бы не... Я бы не вонзил в её сердце нож!

– Эти сказки ты можешь рассказывать ей, но не мне... – Платина стал отходить в сторону. Я резко дернулась в направлении звука его шагов. Шаги Золота сразу же стали приближаться ко мне. Теперь я дернулась в направлении их звучания. И вдруг я поняла, что осязаю на расстоянии! Я не видела, как Золото садится напротив меня на корточки, но я будто чувствовала всем своим телом ауру, исходящую от каждого его телодвижения. Металл потянулся рукой к повязке, наложенной на мои глаза. Когда он снял её, я вздрогнула и открыла глаза... По моей коже сразу же разлилась дрожь. Мои руки мгновенно засеребрились.

– Да, не стоит, – спустя пять секунд заключил он, и сразу же начал повязывать материю обратно мне на глаза.

– С тобой тоже так было? – я шептала тихо-тихо, но в моих ушах каждый издаваемый мной звук откликался громогласным набатом.

– Нет.

– А с Платиной?

– Нет.

– С Барием или с Франций?.. – мой голос предательски выдавал крайнюю степень уязвимости, в которой я сейчас пребывала. – Хотя с кем-нибудь?

– Я не знаю, что с тобой, – рука Золота легла на моё плечо и с аккуратной силой сжала его. – Но не переживай, хорошо? Теперь всё будет в порядке. Ты Металл...

– А вдруг нет? – я ощутила, как он замер. – Вдруг я не смогла до конца обратиться в Металл? Вдруг наполовину... Вдруг я умираю? – с каждым моим вопросом уровень панических нот в моём голосе прогрессировал.

– Ты не умрёшь, – от неожиданно громкого голоса Платины, раздавшегося слева от меня, я в который раз за прошедшие минуты вздрогнула и даже слегка подпрыгнула на месте. Разве он не ушел?!

– Слышать тебя больше не желаю... – через сжатые зубы в ответ процедила я. – Ты убил меня, – я зачем-то стряхнула со своего плеча руку Золота. – Оставьте меня. Мне нужно успокоиться... Отойдите от меня прочь! Оба!

Глава 7

Ни одна ночь в моей жизни не была такой громкой. Но вслед за ней наступил ещё более громкий день: чрезмерно много трелей птиц, шорохов, шелестений, стрекотаний, запахов, соприкосновений...

Днём моё состояние заметно ухудшилось. Хотя морально мне немного полегчало: я поняла, что *пока что* действительно не умираю. То, что со мной происходило, было похоже на... Возможно, на мутацию. Ощущение было такое, будто я никак не могу приспособиться к собственному телу, которое по какой-то причине то ли отвергает мутирование, то ли принимает его “неправильно”. Я пыталась прислушаться к своим ощущениям, но все до единой мои внутренние настройки словно вышли из строя – все часы, компасы, календари обнулились – из-за чего я никак не могла не то что понять, что происходит внутри меня, но порой врубиться даже в то, что калейдоскопным стеклом разворачивалось вокруг меня.

Барий, Франций, Эльфрик, Дельфина, Олуэн, Зефир, Луна, Вёрджил, Бакчос с новорожденной Пилар и Блуждающий с Чёрным Страхом, по словам Золота, ушли куда-то вперед три дня назад. Кажется, Эльфрик счёл, будто со мной всё кончено, потому решил двигаться дальше – ему ещё необходимо было позаботиться о Дельфине с Олуэн. Но меня по-

разило не столько то, что меня кинул Эльфрик, сколько то, что все ушли вперёд трое суток назад. Выходит, я провела в бессознательном состоянии целых трое суток! Согласно моим сбитым ощущениям я очнулась всего спустя пару минут после того, как Платина вонзил в мою грудную клетку кинжал... Искаженное восприятие реальности с неполным пониманием уже произошедшего смешались в моём сознании в густую, кипящую кашу.

Металлы вместе со мной не сомкнули глаз вплоть до наступления рассвета. Я сидела под засохшим деревом с завязанными глазами, а они стояли по разные стороны костра: Платина – слева, Золото – справа. Мои телохранители периодически подбрасывали ветки в пылающий костёр. Они в полной мере предоставили мне возможность собраться с мыслями – не лезли ко мне с разговорами и тактильным контактом. Просто стояли и ждали.

За первые часы после своего пробуждения в новом теле я смогла если не прийти в себя, тогда хотя бы более-менее сосредоточиться.

Наступление рассвета я с легкостью уловила по нарастающему пению птиц и, вспомнив слова Платины о следующих за нами лекторах, предложила Металлам выдвигаться вперед. Они согласно промолчали. Я сняла повязку с глаз, но сразу же получила отдачу: кожа и волосы мгновенно засеребрились, голова закружилась от переизбытка красок и деталей. Зелёный мох внезапно оказался вовсе не зелёного цвета

— он сочетал в себе множество различных спектров разнообразных цветов! В нём жили такие совсем мелкие микроорганизмы, меньше блох... Я рассмотрела даже ворсинки на их бледных, полупрозрачных тельцах!

Тяжело дыша и держась за высохший ствол дерева, под которым провела эту прохладную ночь, я попыталась расходиться, но смогла пройти только по часовой стрелке вокруг дерева: отлипнуть от его странного на ощупь ствола мне так и не удалось. Спустя несколько минут я попробовала двигаться снова. Оторвав свои металлические руки от дерева вместе с куском коры, я начала идти вперед, но сразу же поняла, что всё критично плохо: каждый миллиметр моих мышц наливался такой тяжестью, что я была вынуждена признать факт того, что я не в состоянии идти ровно — меня раскачивало из стороны в сторону столь сильно, что для удерживания равновесия мне приходилось сильно размахивать руками.

Мы должны были двигаться дальше. Чтобы нагнать Эльфрика и всех остальных... Поэтому я надела повязку на свои глаза и сама предложила вариант, в котором один из Металлов помчится вперёд, неся меня на своей спине. Прежде, чем острый вопрос успел вспороть пространство между мной и Металлами, я утвердила на роль моего носителя кандидатуру Золота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.